

А.В. Голубинцев

Казачья ВАНДЕЯ



ИСТОРИЯ



КАЗАЧЕСТВА



Александр Васильевич Голубинцев

Казачья Вандея

Серия «История казачества»

v 1.0 – Alesh – изд – indd

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6001448

Казачья Вандея. / А.В. Голубинцев.: Вече; Москва; 2012

ISBN 978-5-905820-52-6, 978-5-4444-1820-8

Аннотация

Предлагаемая вашему вниманию книга впервые увидела свет в 1959 году в Мюнхене под названием «Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг.». Автор, известный донской офицер, прошел со своим полком Первую мировую войну, а затем и Гражданскую. Генерал-майор Голубинцев ярко и живо описал события на Дону в годы братоубийственной войны. Рейд Мамонтова, бои за Царицын, разгром корпуса Жлобы и эвакуация – обо всем этом рассказывает А.В. Голубинцев. Книга будет интересна любителям казачьей истории и исследователям Гражданской войны в России.

Содержание

Вступление	5
Предисловие	14
Родимый край	16
I. Русская Вандея	19
1. Осиное гнездо	19
2. Усть-Хоперское восстание	26
Журнал военных действий Усть-Хоперского отряда	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

А. В. Голубинцев

Казачья Вандея

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*«...То Край Родной восстал за честь отчизны, за
славу дедов и отцов, за свой порог и уголь...»
Ф. Крюков*

Вступление

Приступая к изданию моих записок и воспоминаний из времен Гражданской войны на Дону, в которой я принимал непосредственное и активное участие как организатор и руководитель восстания на северо-востоке Дона и затем как начальник больших конных соединений в разгоревшейся Гражданской войне на юге России, я хочу как предпосылку к запискам дать краткий обзор истории Дона, психологии и быта донских казаков – тех условий, которые создали эту этническую группу русского народа, эту военную касту, или орден степных рыцарей, а также и указать на те причины, которые побудили донских казаков начать беспощадную борьбу, на жизнь и на смерть, с таким колоссом, как охваченная безумием анархии и революции и натравливаемая шайкой интернациональных проходимцев Советская Россия.

Имя Донского войска, или Донской вольной общины, известно почти всем в Старом Свете, но, к сожалению, только имя, а историю, быт, психологию и нравы каждый толкует по своему вкусу, извращая их в ту или иную сторону и давая широкий простор своей фантазии и политическим или романтическим вкусам.

До второй половины XII века мы можем почерпнуть краткие сведения о казаках из записок иностранных путешественников, побывавших в юго-восточных степях Россий-

ской равнины. Русская история лишь кратко и косвенно упоминает, что в 1380 году отряд донских казаков прибыл в помощь Великому Князю Димитрию Донскому и участвовал в Куликовской битве. Единственным памятником этого события является икона Гребневской Божьей Матери, поднесенная казаками Великому Князю, с высеченной на камне надписью и датой. До революции икона находилась в Успенском соборе. Более пространная история упоминает о появлении казаков на русской военно-политической арене в XV веке, а с XVI века казаки уже принимают участие почти во всех войнах и событиях Московского государства: в Ливонской войне участвуют небольшие отряды донских казаков; при взятии Казани царем Иоанном IV особенно отличился отряд донских казаков атамана Сусата, первый ворвавшийся в Казань; атаман Ермак с отрядом казаков, именем Московского царя, в 1584 году завоевывает Сибирское царство; в Смутное время, в 1613 году, сабля атамана Межакова, по словам историка Костомарова, решает вопрос о возведении на Российский престол царя Михаила Феодоровича.

С этих пор связи Войска Донского с Москвой становятся все теснее и теснее. В Москве постоянно гостит «Зимовая станица», иначе говоря, посольство донских казаков, третируемая наравне с иностранными дипломатическими миссиями.

Владея южной степью, казаки являлись как бы барьером для защиты границ Московского государства от набегов орд

степных кочевников и отрядов соседних татарских ханств.

За отсутствием подходящего строительного материала — камня и леса — казаки не строили ни замков, ни крепостей, а защищались в укрепленных фортах, называемых «городками», сооруженных из земляных укреплений, валов и бревен, обнесенных стенами со рвами, бойницами, вышками. В городках помещались склады с вооружением, снаряжением, запасами питания и строились курени для населения. Между городками были так называемые сторожевые пикеты. При появлении татарских орд население станиц укрывалось в этих городках и оказывало упорное сопротивление кочевникам. На сторожевых пикетах и вышках вспыхивали сигнальные вежи, передавая сполох в соседние городки, и степь загоралась общим боевым фронтом, с сетью маневрирующих конных лав между городками.

Целя услуги казаков, цари Московские не только снабжали казаков порохом, сукнами, хлебом и жалованьем, но и награждали почетными званиями, саблями, ковшами, на что в Посольском приказе отпускались ежегодно известные суммы. Нам известен случай, когда 300 донских казаков в 1585 году за услуги, оказанные Московскому царству, были «поверстаны в боярские дети» и награждены поместьями.

Жили казаки, по их образному выражению, «с травы да воды», иначе говоря, охотой да рыбной ловлей; но этот род занятий, конечно, не мог удовлетворить материальных и духовных потребностей и запросов этой буйной и воинствен-

ной общины. Хлеба казаки не сеяли, занятие земледелием воспрещалось и каралось смертной казнью, «в куль да в воду», дабы казаки не омужичились и не утеряли воинственного духа.

«Охота за зипунами», т. е. набеги на соседние мусульманские государства Крым, Персию, Турцию и побережья Черного, Азовского и Каспийского морей, были заурядным явлением и почти периодическим занятием; считались делом богоугодным, христианским и доблестным, так как сопровождались не только освобождением из рабства христианских пленников, но и захватом «ясыри», т. е. пленных мусульман, которые служили затем предметом обмена на своих, русских пленников, захваченных татарами в набегах.

Турецкие историки отмечают довольно подробно ряд набегов казачьих флотилий на берега теперешней Болгарии, Румынии, Анатолии и даже на Константинополь.

Управлялись казаки выборными атаманами. Дела государственные, внешние и внутренние, решались атаманом и старшинами и утверждались Кругом, криками «любо» или «нелюбо». Участие в Круге принимали только «прирожденные» и полноправные казаки. Население Дона состояло из прирожденных казаков, считавших свой род в нескольких поколениях, так называемых домовитых и из голутвенных, еще не имевших полных прав и голоса в Круге.

Пополнялось донское казачество, судя по историческим данным, а также по названиям населенных пунктов, местных

предметов, предметов обихода и по фамилиям казачьих родов, выходцами из различных стран и народов, по той или иной причине не ужившихся на своей родине или искавших выхода своему молодечеству, страсти к войне, приключениям и к вольной жизни в донских степях.

Те, чья душа искала простора, безграничной воли, удали, жажды подвигов, тянулись к усеянной таинственными курганами донской степи, с ее романтикой и соседством со святой Софией, ожидающей восстановления на ней Святого Креста. Эта психология тяги к святым местам была так обычна и на Западе в Средние века нашей истории.

Прием в казаки был совсем не так прост, как думают некоторые «историки», начитавшиеся поэтических сказок Гоголя и черпающие из них свой «исторический» материал, или даже те «популярные», казенные историки, поверхностные, близорукие или просто недобросовестные, искажающие истину и приспособляющие историю к «духу времени»; или просто усердные не по разуму, готовые в либеральном служении принципу нивелирования уродовать историю. Их тенденцию теперь продолжают большевики, углубляя ее в своих энциклопедиях.

Чтобы быть принятым в казаки и сделаться равноправным членом Донской общины, надо было не только прожить несколько лет на Дону, но и побывать в походах и набегам и доказать свою храбрость, мужество и преданность казачеству.

Женщины в старое время большей частью брались в набегам, считались «ясырю», т. е. полонянками, и, выходя замуж за казаков, становились казачками и матерями казаков; этим отчасти объясняется, особенно на юге Дона, восточный овал лица, темные волосы, гибкость и подвижность стана низовых казаков.

С незапамятных времен на Дону широко практиковалось право убежища: «С Дона выдачи нет», был девиз Войска. На Дону находили убежище и сторонники старой веры, преследуемые во времена патриарха Никона в Московской державе. А после разгрома Новгорода и Пскова в XV и начале XVI века много новгородцев бежало на Дон. Крымские татары, ногайцы, кавказские горцы, поляки, запорожцы-черкасы и даже немцы, искавшие счастья и убежища или простора, также являлись на Дон, втягивались в боевую, степную, вольную и буйную жизнь, быстро ассимилировались, принимая веру, язык и обычаи, и лучшая часть их с течением времени становилась казаками.

Жизнь в открытой степи, полная опасностей и неожиданностей, заставляла быть всегда настороже, быть готовым и к нападению, и к обороне; эти условия заставляли казаков быть всегда начеку, научали ориентироваться не только по звездам и солнцу, но и по ветру, травке, холмам, курганам, шуму земли, полету и крику птиц. Такая напряженность внимания переходила в привычку и вырабатывала характер уверенности в самом себе, в своих силах, в своем превосходстве

над врагом и презрение к смерти. Эти свойства, переходя в привычку, создавали известную мораль и характер – решительный, упорный и независимый, – и передавались из поколения в поколение.

Эти качества до последнего времени выгодно отличали казачьи части при ведении военных операций и особенно в разведке. Культ доблести, собственного достоинства и гордости заставлял казаков крепко держаться своих частей и беречь свое имя. Факт отсутствия, даже единичных случаев, дезертирства из всей массы казачьих полков в последних войнах подтверждает эти специфические свойства казаков. Появление дезертира покрыло бы на веки позором не только род, но и всю станицу.

Казаки с одинаковым хладнокровием умели и наступать и отступать, не поддаваясь панике, повинуюсь приказаниям и авторитету начальников. Почет и уважение к старикам и повиновение авторитету старших создавали единодушие в принимаемых решениях.

В первой половине XVII века казаки взяли сильную турецкую крепость Азов в устьях Дона, служившую туркам ключом и воротами для связи и проникновения турецкой экспансии в юго-восточную Россию, где сравнительно еще недавно покоренные царства Казанское и Астраханское не забыли вполне своей независимости и прислушивались и тяготели к единоверным державам – Турции и Крыму. Царь отклонил предложение казаков взять Азов под свою высокую

руку, ибо не желал ввязываться в войну с могущественной в то время Турцией.

В ответных нотах на турецкие жалобы на набеги казаков Москва отписывалась, заверяя Блистательную Порту, что казаки «воруют-де и царскую волю не слушают» и за них Москва не может нести ответственности. На многократные предложения московского правительства принести присягу царю казаки обыкновенно отвечали дипломатически: «Мы рады служить государю и без крестного целования». Характерна в этом отношении донская поговорка того времени: «Будь здоров, царь, в Москве Кременной, а мы казаки на Тихом Дону».

В 1671 году казаки целовали крест на верность православному царю, и с этих пор казаки становятся как бы официально служилым сословием Московского царства, сохраняя свой внутренний быт и порядок несения службы. Участие Войска Донского во всех войнах и походах русских царей начиная с XIV и до первой четверти XX века включительно покрыло его неувядаемой славой и связало неразрывными узами с историей и культурой Российской империи и с Династией. Естественно, что при таком состоянии морали, традиций, быта, характера, старых устоев чести, свободы и верности данной клятве и славной истории, связывавшей Дон с царской Россией, казаки не могли не восстать против рабского режима большевиков, конечная цель которого путем обезличения индивидуума создать из народа стадо покорных

и безгласных рабов.

С полным сознанием своей правоты и долга вступили казаки в бескомпромиссную борьбу с московскими интернациональными захватчиками. В 1917 году Дон объявил себя самостоятельным государством впредь до восстановления Российской империи и связал свою судьбу с Белым движением, возникшим на территории Дона; и если бы не было казаков, не было бы и Белого движения.

Ген.-м. Голубинцев

Филадельфия, 1958 г.

Предисловие

Составляя настоящие заметки о борьбе Усть-Медведицких казаков с красными, я задался целью описать лишь то, что я лично видел, в чем принимал непосредственное участие сначала как командир 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка, приведший полк с войны на Дон, затем как организатор и руководитель восстания в Усть-Медведицком округе и, наконец, как начальник конной дивизии и конной группы в разгоревшейся Гражданской войне. Записки мои составлены частью на Дону, частью в эмиграции. К сожалению, большая часть документов утеряна во время кочевой жизни на войне; по сохранившейся же совершенно случайно небольшой части документов удалось установить точные даты некоторых событий и обстоятельств, при которых они происходили.

Записки мои никоим образом не могут претендовать на исчерпывающее описание пережитых и виденных мною событий или эпохи, так как составлены они большей частью по памяти, после долгих лет эмиграции, и в них отмечены лишь краткие отрывки событий некоторых периодов.

Самой ценной частью записок является тетрадка: «Дневник военных действий Усть-Хоперского отряда»; составлена она в 1918 году, в начале восстания, по моему приказанию одним из чинов штаба отряда по оригинальным документам

и составляет лишь часть дневника – одной случайно уцелевшей тетрадкой. Остальные очерки, как я уже упомянул, составлены мною частью в Крыму, частью в эмиграции, в Болгарии – в Анхиало и в Софии – в 1921–1925 годах.

События я старался записать возможно точнее, давая характеристику лицам и событиям так, как они мне казались, стараясь быть строго объективным и беспристрастным.

Все даты отмечены по старому стилю.

Ген.-м. Голубищев

София, 1925 г.

Родимый край

Стихотворение в прозе

Родимый край... Как ласка матери, как нежный зов над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов.

Чуть тает тихий свет зари, звонит сверчок под лавкой в уголке, из серебра узор чеканит в окошке месяц молодой... Укропом пахнет с огорода... Родимый край...

Кресты родных могил, и над левадой дым кизячный и пятна белых куреней в зеленой раме роц вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель, застывший в думе – волнует сердце мне сильнее всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарований.

Тебя люблю, Родимый край...

И тихих вод твоих осоку и серебро песчаных кос, плач чибиса в куге зеленой, песнь хороводов на заре, и в праздник шум станичного майдана, и старый милый Дон – не променяю ни за что...

Родимый край...

Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная – щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчание мудрое седых курганов и в небе клекот сизо-

го орла, в жемчужном мареве видения зипунных рыцарей
былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими
костями простор зеленый и родной... не ты ли это, Родимый
край?

Во дни безвременья, в годину смутную развала и падения
духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя,
мой Край родной...

Но все же верил, все же ждал; за дедовский завет и за род-
ной свой угол, за честь казачества взметет волну наш Дон
Седой...

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и сво-
боды...

И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль,
ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебри-
стый подголосок вдали, как нежная струна...

Звенит, и плачет, и зовет...

То Край родной восстал за честь отчизны, за славу дедов
и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон... За честь от-
чизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит седой наш
Дон – Родимый край.

Ф. Крюков



Феодор Димитриевич Крюков, донской писатель и Секретарь Войскового Круга. Во время восстания Усть-Медведицких казаков весной 1918 года Феодор Димитриевич находился в своей родной станице Глазуновской и принял участие в восстании, примкнув к отряду полковника Голубинцева. Был легко контужен в бою у станицы Арчадинской. Вдохновленный вспыхнувшим восстанием, написал в начале мая 1918 года вышеприведенное стихотворение в прозе. В первый раз оно было прочитано на собрании в Усть-Медведицком клубе, если не ошибаюсь, на Троицын день, одной из участниц собрания. Стихотворение было принято присутствующими с большим энтузиазмом и волнением. В нем как в зеркале отражена вся душа казака и его безграничная привязанность к Родному краю, к родной земле, насыщенной кровью, славой, доблестью, честью и любовью к свободе.

I. Русская Вандея

1. Осиное гнездо

Февраль 1918 года на исходе. Не стало на Дону атамана. Разгромлен и загажен Новочеркасск. Помутились головы у казаков – трудно стало старикам сдерживать буйную молодежь – «фронтовиков». Уже почти повсюду на Дону советы сменили атаманов, но свято блюдут Усть-Хоперцы старину, чтут старики порядки и обычаи дедовские: все еще атаман правит станицей, в домах портреты царские, казаки в погонах.

Недаром славится Усть-Хоперская станица по всему Тихому Дону, и орлы и коршуны вылетали из нее: и славный атаман генерал Каледин, и лихой казак Кузьма Крючков, и печальной памяти «красный атаман Дона», «президент Донской Советской республики», подхорунжий Подтелков.

Слывет станица в округе «контрреволюционной» и «белогвардейской», но пока еще не решаются красные власти круто расправиться: боятся трогать это «осиное гнездо».

Шлет из Усть-Медведицы окружной комиссар, бывший войсковой старшина Филипп Миронов, грозные приказы: упразднить атамана и избрать совет; грозит в случае неповиновения прислать карательный отряд. Мнутя старики, но

делать нечего, предложили станичному атаману называться «председателем» – плюнул старик и отказался. Попробовали выбирать – нет охотников представлять советскую власть. Наконец, уговорили подхорунжего Атланова: «Если и ты откажешься, – мужика назначат». Довод основательный.

С выбором совета жизнь потекла как будто по-прежнему, только на майдан стали являться «иногородние»; зазвучали непривычные речи о равенстве, о раздаче казачьей земли мужикам, об уравнильно-трудовом землепользовании; стали читаться декреты и приказы всякого рода, ничего доброго не сулившие казакам, и т. п.

Долго крепились казаки, слушая наглые речи «хохлов», один из которых, сапожник Капустин, разошелся вовсю и, убеждая упрямых стариков, сказал: «У вас, старики, бороды длинные, да головы глупые!» Это переполнило чашу терпения – сорвался с места урядник Осин, ударом кулака сшиб нахала с трибуны, старики подхватили и, избив до полусмерти, выбросили из станичного правления.

Дня через три Осин и еще три казака были вызваны окружным комиссаром товарищем Мироновым в Усть-Медведицу на расправу. Заупрямились старики, не желая выдавать, и только угроза прислать карательный отряд и взять силой заставила отпустить Осина.

По прибытии в Окружной совет Осин был избит, предстал перед революционным трибуналом и, отсидев около двух недель в тюрьме, возвратился домой.

Декреты, вызывающее поведение иногородних, случай с Осиным создали настроение неудовольствия, обиды, боязни за будущее; это чувство росло, ширилось, вызывая острую ненависть к новым порядкам. Чувствовалось, что наступила пора использовать это настроение. Почва для работы была благоприятна. Нужна только искра.

* * *

Распустив по приказанию донского атамана Каледина по домам в бессрочный отпуск, с оружием, приведенный мною с Румынского фронта 3-й Донской казачий Ермака Тимофеева полк, я 15 февраля 1918 года из станицы Глазуновской переехал в станицу Усть-Хоперскую, где и поселился в уединенном доме. Редко показываясь, я внимательно следил за развивающимися событиями. Не вмешиваясь открыто в станичную жизнь, имея общение лишь с верными людьми, по большей части моими сослуживцами по 3-му полку, я с их помощью образовал небольшое ядро с целью поддерживать и развивать антибольшевистское настроение и направлять волю станицы к желаемой цели. На хуторах по указанию прапорщика Щелконогова и его отца К.Т. Щелконогова были намечены верные, твердые и убежденные люди, по большей части старики и выборные, которые изредка тайно приезжали ко мне по одиночке для доклада, обмена мыслями и получения инструкций. Здесь им объяснялись и толковались де-

креты и распоряжения красных властей, гибельные последствия этих декретов для казаков, необходимость и возможность сопротивления проведению их в жизнь, объяснялись события на Украине и значение их для Дона, положение на фронте, непрочность советской власти и т. п.

Получив более или менее полную информацию, они возвращались домой, делились со своими хуторянами полученными сведениями и разъяснениями, являясь вместе с тем и серьезными оппонентами заглядывавшим иногда на хутора с целью большевицкой пропаганды гастролерам из Усть-Медведицы.

Кроме того, связь с хуторами постоянно поддерживалась при помощи многочисленных моих сослуживцев по 3-му полку.

Работать в более широком масштабе можно было только при помощи и через съезды хуторских советов, невидимо руководя их работой и обращая постановления их в замаскированные воззвания к сплочению, сопротивлению и, наконец, к открытому неповиновению и восстанию с оружием в руках против советской власти.

Узнав о времени и цели съезда хуторских советов и о предполагаемых к обсуждению вопросах, я на отдельных клочках бумаги писал резолюции к будущему постановлению съезда по интересующим нас вопросам, а затем свой человек ехал в соседние хутора и передавал верным людям готовые решения, обыкновенно одному лицу только одну резо-

люцию, давая при этом, конечно, соответствующую инструкцию. Являясь на сход, выборный, после дебатов, просил слово и предлагал резолюцию, читая ее по бумажке. Гладко написанные фразы, отвечающие настроениям казаков, обычно принимались почти без изменения криками «в добрый час» и заносились в протокол решений съезда.

Таким образом, была провалена объявленная Мироновым мобилизация: «...не отказываемся от мобилизации, но требуем сначала роспуска и удаления Красной гвардии из Усть-Медведицы и выдачи предварительно оружия на руки подлежащим мобилизации».

Затем на приказ о сдаче казенного оружия съезд ответил, что оружия в станице вообще очень мало и что оно необходимо для защиты станицы от появившихся на севере банд.

Наконец, было сделано постановление (следствие ареста и избиения урядника Осина), что в будущее время арест усть-хоперского гражданина может быть произведен только с разрешения местного совета, а если кто-либо будет арестован усть-медведицкими властями, то немедленно всем выборным с хуторов явиться на сход в Усть-Хоперскую с оружием и привести с собою каждому по пяти вооруженных казаков. (Хуторов в Усть-Хоперской станице свыше 30.)

В каждом постановлении делалась приписка: «В целях поддержания связи разослать копии во все станицы округа для сведения».

Говорят, что, читая усть-хоперские постановления, това-

рищ Миронов приходил в бешенство, кричал, рвал постановления, грозил карательным отрядом, но... дальше слов дело пока не шло.

Таким образом, забронировав себя последним постановлением от активного вмешательства усть-медведицких властей, Усть-Хоперская станица, получив название «контрреволюционной» и «белогвардейской», стала недвусмысленно готовиться к восстанию.

– Вот отпахаемся и начнем, – говорили казаки. Но время шло, наступали праздники Св. Пасхи, чувствовалось, что если не начнем, то будем арестованы, ибо слухи уже проникли в Усть-Медведицу и местные шпионы-большевики усиленно зачастили свои визиты в Окружной совет к Миронову.

Ждать больше нельзя, все готово, нужен только толчок, только искра.

Оружие, посланное из Усть-Медведицы в крестьянскую слободу Чистяковку и перехваченное казаками хутора Каледина, и явилось этим толчком. «Советская власть вооружает “хохлов” против казаков!» – пронеслось по всем хуторам станицы; это переполнило чашу терпения и открыло глаза даже благожелательно смотревшим на советскую власть.

Что же в это время делалось за пределами Усть-Медведицкого округа? Что делалось на Украине? Что делалось на юге Дона?

В этом отношении Усть-Хоперская станица была совершенно отрезана от остального мира – никаких сведений, ни-

каких слухов. По советским данным, все обстоит благополучно, все тихо, все довольны. В последнее время даже газеты, из которых раньше можно было почерпнуть кой-какие сведения о событиях на Украине, стали задерживаться большевиком почтмейстером. Правда, промелькнули было слухи, что в Новочеркасске что-то было на Пасху, что немцы подходят к Каменской, а ездившие в Обливы за солью казаки хутора Каледина говорили, что слышали будто бы оружейную стрельбу к юго-востоку от станции Обливской (Суrowsикино), но сведения эти были какие-то робкие, неуверенные, проверить их было трудно и небезопасно, и поэтому они быстро заглохли. Местный же почтмейстер, ярый сторонник советской власти, заявлял всем, что все это вздор, что всюду спокойно и советская власть установилась прочно и твердо.

На 24 апреля был назначен Съезд советов станицы. Если и это собрание кончится без результата, то ждать больше нечего. Лошади готовы, отдохнули, перекованы, в суммах заготовлены патроны и провизия: надо уходить на Украину, тем более что получено тайное предупреждение от одного из членов Усть-Медведицкого Окружного совета, что на днях из Усть-Медведицы в Усть-Хоперскую будет отправлена вооруженная команда для производства арестов, причем я должен быть арестован в первую голову.

2. Усть-Хоперское восстание

Журнал военных действий Усть-Хоперского отряда

Начатое 24 апреля, на следующий день, т. е. 25-го, мирно протекало совещание Съезда советов станицы Усть-Хоперской, занимаясь разрешением мирных жизненных вопросов и задач, неразрывно связанных с наступлением весны. Были и тихие мирные разговоры, прорезались и бурные прения, возбуждавшие весь съезд. Но время протекало, проходило возбуждение, и дело делалось своим обычным порядком.

Предстояло избрать делегатов на Окружной съезд представителей земельных комитетов и дать им соответствующий наказ, который являлся бы отзвуком на «Общие положения о земельных комитетах».

Особенно не нравился станичникам маленький по размерам, но огромный по содержанию параграф положений, в котором указывалось на то, что «к предметам ведения губернских земельных комитетов относится: фактическое изъятие земли, построек, инвентаря, сельскохозяйственных продуктов и материалов из владения частных лиц».

Туманное представление о прелестях уравнилельно-трудоого пользования землей и инвентарем, неясное очерта-

ние глубин социализма уже и раньше мерещились многим казакам, не потерявшим еще здравый житейский смысл; уже давно некоторые поговаривали, что дело привело к тому, что у казаков только «кизи» казачьи остались; но были еще и такие, которые утверждали, что «земля есть дух», что «она не сделана руками человека», а потому, следовательно, она и не должна принадлежать никому. В то же время последние являлись собственниками, и твердыми, конечно, собственниками, таких предметов социального обихода, как коровы, лошади, овцы и прочая живность, которая, разумеется, ни в коем случае не могла быть делом рук человеческих.

Особенное упорство в отстаивании этого положения проявляло местное иногороднее население – «наплыв», по выражению казаков. Незначительная, преимущественно пролетарская часть казачьего населения старалась поддержать иногородних в этом отношении. Такое же, если не хуже, было и отношение к советской власти, к «красногвардии», как ее здесь называли, ко всяким съездам советов и к декретам нынешнего правительства. Те же защитники и те же противники, то же соотношение сил. Особую тревогу в казачьем населении вызвал тот факт, что по постановлению окружного Исполнительного комитета из Усть-Медведицы было отправлено несколько транспортов оружия для крестьянской слободы Чистяковки.

Желания советской власти оказались ясными, и меры вполне недвусмысленными. Брожение началось и особен-

но усилилось после того, как вооруженные чистяковцы обстреляли чернышевских конвоиров, которые гнали пленных красногвардейцев. Чистяковцы хотели освободить последних. Такой оборот дела сильно не нравился казакам, и безоружные чернышевцы, попросив помощи у усть-хоперцев, решили ликвидировать Чистяковское выступление. На братский зов в один момент откликнулись казаки хутора Каледина. Под руководством подъесаула Шурупова и с их помощью Чистяковское дело было исполнено.

Просьба чернышевцев о помощи в Усть-Хоперскую станицу была передана в 2 часа дня 25 апреля Николаем Гавриловичем Гавриловым, который явился на съезд советов, доложил выборным о ходе событий в районах станиц Казанской, Мигулинской и Чернышевской и прочитал постановление граждан хутора Большого об объявлении мобилизации в целях защиты своих интересов, освобождения от Красной гвардии и прочей социальной дребедени, которой так полны в настоящее время все стороны нашей жизни.

Искра была брошена, братский зов чернышевцев и большевиков был услышан, и в 3 часа 30 минут дня соответственное решение было принято, и съезд вынес постановление, копия которого приводится ниже:

«Постановление

Съезда советов Усть-Хоперской станицы
1918 года, 25-го апреля

№ 144

1. Общее собрание граждан станицы и хуторов постановило: не подчиняться существующей советской власти и всеми мерами задерживать красногвардейцев.

2. Немедленно приступить к принудительной мобилизации населения ст. Усть-Хоперской и прилежащих к ней хуторов, (мужского пола), вышеозначенных поселений, способных носить оружие, от 17 по 50 лет включительно. Лицам духовного звания (священникам, дьяконам и псаломщикам) предоставляется право добровольной мобилизации.

3. Сейчас же мобилизовать подлежащие годы, выдать им нарезное оружие и патроны, находящиеся у населения; те лица, которые утаят оружие, подвергаются денежному штрафу в размере 500 рублей или 50 розгам.

4. Командный состав должен быть из офицеров, которым вменяется право распределять между собою все командные должности.

5. Начальником гарнизона Усть-Хоперской станицы и прилежащих к ней хуторов (кроме Большого и Усть-Клинового) назначается войсковой старшина Голубинцев; начальником штаба гарнизона подпоручик Иванов и комендантом гарнизона прапорщик Щелконогов, которые пользуются правами согласно правил старого устава о военной службе.

6. Лица, уклоняющиеся по неуважительным причинам идти с восставшим населением на защиту интересов, а также за отлучку и побег после объявления мобилизации, подвер-

гаются наказанию вплоть до смертной казни.

Подписал: Председатель *Никуличев*

Товарищ Председателя *И. Багров*

Секретарь *Токарев*».

Ответственное решение, таким образом, было вынесено и от слов необходимо было перейти к делу. Первое и самое важное, что было сделано в этом направлении, это то, что на местный телеграф был поставлен контроль, дабы оттуда не могли дать сведений в Усть-Медведицу о положении на местах. Сейчас же в здание станичного правления были приглашены офицеры, которые были ознакомлены с решением съезда советов и приглашены руководить народным движением. Тут же, часа через полтора-два, были сформированы конные разъезды из добровольцев и высланы по дорогам, ведущим к Усть-Медведице. Ознакомившись с положением дела, г.г. офицеры отправились на совещание, результатом которого явился приказ:

«Приказ

по гарнизону станицы Усть-Хоперской

25 апреля 1918 года

№ 1

1. Сего числа, согласно постановлению станичного схода, я принял на себя обязанности начальника гарнизона ст.

Усть-Хоперской.

2. Приказываю подпоручику Иванову вступить в исполнение обязанностей начальника штаба гарнизона.

3. Поручику Пархоменко принять командование формируемой пешей сотней.

4. Прапорщик Русак назначается младшим офицером в пешую сотню.

5. Прапорщику Щелконогову вступить в исполнение обязанностей коменданта станицы Усть-Хоперской.

6. В состав гарнизона ст. Усть-Хоперской входят хутора Рыбный, Избушный, Бобровский и Зимовный, которым мобилизоваться сегодня в ст. Усть-Хоперской. Остальным хуторам станицы завтра, 26 апреля, к пяти часам вечера прибыть для мобилизации на хутор Большой Усть-Хоперской станицы.

7. Сотника Красноглазова назначаю командиром формируемой конной сотни.

8. Хорунжий Говорухин и прапорщик Наумов назначают младшими офицерами в конную сотню.

9. Зауряд-прапорщика Красноглазова назначаю комендантом местной почтово-телеграфной конторы.

10. Зауряд-военному чиновнику Щеголакову состоять в распоряжении начальника штаба.

Начальник гарнизона

Войсковой старшина *Голубинцев*

Начальник штаба подпоручик *Иванов*».

Таким образом, народное движение получило первичную форму, первичный зародыш, из которого должна была развиться мощная, истинно народная организация, отстаивающая свои права, свою жизнь, свою свободу. Необходимо было дать полную возможность этому зародышу развиваться, свободно работать вне опасности и вне влияния вредного элемента, зараженного духом преступно-безумного большевизма. Важно было, находясь под рукой противника, расположившегося в Усть-Медведице, наскоро создать прочную гарантию для успешного проведения мобилизации. Это было достигнуто. Временный контроль с почты был снят и заменен постоянной комендатурой. Начальник почтово-телеграфной конторы был арестован и отрешен от должности, которую занял почтово-телеграфный чиновник Гаврилов. По постановлению схода были арестованы вожаки местной «пролетарщины», среди которых был и почтальон. Между 4 и 5 часами уже были организованы конные разъезды и пешие посты, которые к этому времени исполняли возложенные на них задачи, и уже к вечеру результаты этой работы сказались в том, что в Усть-Хоперскую были доставлены перебежчики, несшие в противный лагерь донесения о событиях, происходящих в станице. Но пойманы были не все, некоторым из них, явно уличенным и уже открытым, Куликову Ефиму (лет 17–18) и Даниилу (по-житейски Долька) Романову (лет 19–20) удалось добраться до Усть-Медве-

дицы и ударить челом всесильному в то время Миронову, офицеру с темным и преступным прошлым, беспринципно-му честолюбцу. Подобное паломничество было предпринято и еще кое-кем из местных жителей, среди которых были даже и женщины.

Между тем формирование сотен происходило ускоренным темпом и указанные выше перебежчики дали Миронову сведения о численности уже сформированных к этому времени частей. Из перехваченной телеграммы видно, что противник имел сравнительно точные сведения о численности нашего отряда:

«У аппарата товарищ Горячих и член окружного Исполнительного комитета Блинов».

«Сегодня из Усть-Хоперской прибегли два беженца, которые передали следующее: подполковник Голубинцев мобилизует от 17 до 50 лет, кто не желает, тех заставляя силою оружия, даже и крестьян, пехоту и конницу. Пехоты в первый день уже набрали 150 человек и конницы 100 коней, но пока что оружия у них очень мало. В Вешинскую они послали делегацию за пушками. Есть сведения, что у них в Вешинской... орудий, посты их высланы в 12 верстах от Усть-Медведицкой и кроме этих постов заняты хутора Большой, Царица и хутор Каледин, где арестовали двух делегатов Чернышевской волости, которые везли двадцать...»

Для ограждения мобилизации от всяких случайностей и для более планомерной организации отдельных боевых ча-

стей по юрту станицы Усть-Хоперской были назначены два главных сборных пункта: один из них станица Усть-Хоперская, к которой отнесены были хутора Рыбинский, Избушный, Бобровский и Зимовной; другой – хутор Большой, куда должны были отойти остальные хутора станицы. В первый же день стали поступать и донесения от разъездов со сведениями о противнике. Первое донесение поступило от прапорщика Наумова, начальника разъезда № 2, направленного в сторону Усть-Медведицы:

«Разъезд № 2. 9 час. 25 мин. вечера. Хут. Кузнечиков. Начальнику гарнизона ст. Усть-Хоперской.

Доношу, что разъезд № 2 прибыл благополучно на хут. Кузнечиков. Переправа находится на хут. Шемякином, куда послано за ней 7 человек привести сюда. Хуторской председатель хут. Рыбного распорядился выслать 8 человек для охраны берега и 8 на дорогу. Мне донесено, что этим разъездом задержаны подозрительные лица, стремившиеся переправиться на лодке через Дон. По частным сведениям, партии большевиков переправляются обратно из Усть-Медведицы. Кроме того, сообщено, что какой-то Степка Рябой, видимо Степан Федоров Андреев (Буза), отправился на Усть-Медведицу. Желательно узнать, дома ли он.

Начальник разъезда прапорщик *Наумов*».

Самое живейшее участие в организации отрядов принял хутор Рыбный, жители которого без разговоров, как один человек, примкнули к народному движению.

Хутор Избушный несколько медлил под влиянием агитации подхорунжего Кривова, отдавшего дань большевизму.

Организация отрядов в хуторе Бобровском тормозилась разложившейся частью населения под непосредственным руководством матроса Анфиногенова, у которого на хуторе было очень много родственников из иногороднего и казачьего сословия; но как бы то ни было сильное чувство, бодрый дух и сознание правоты своего дела со стороны здорового элемента взяли верх и упрямое до бессмысленности тяготение к большевизму в первый же день было сломлено, инертное отношение многих к происходившим и происходящим событиям разрушено и еле заметное раньше чувство великой и неотвратимой необходимости стало получать все более и более реальные формы. Чувствовалось беспомощное бессилие одних, преимущественно разделяющих платформу советской власти, их жалкая, недоумевающая растерянность, раскаяние прозревших «блудных сынов», возвратившихся с фронта, лихорадочность действий ставших у аппарата налаживания организации и яркое, красочное спокойствие стариков, озаренное светлой, яркой и радостной надеждой на успех в предпринятом деле.

Везде и всюду витала эта надежда, эта радость начала воскресения, и только она одна окрыляла восставший народ и заставляла почти совершенно безоружной части совершить великий подвиг изгнания торгующих совестью из пределов родных полей.

А недостаток вооружения был поразительный: существовали сотни, в которых к моменту выступления насчитывалось по 12 винтовок; пешие же части были совершенно безоружны. О средствах же, необходимых для приобретения довольствия и фуража, и думать было нечего.

Эта надежда, эта тихая радость и тут совершила чудо, после которого положение стало совершенно определенным.

Начальником гарнизона станицы Усть-Хоперской было выпущено следующее:

«Воззвание к Вольным хуторам и станицам Тихого Дона

Ударил час. Загудел призывный колокол, и Тихий Дон, защищая свою волю и благосостояние, поднялся как один человек против обманщиков, угнетателей, грабителей мирного населения.

Отцы и братья казаки, в тяжелое время, в грозный час жизни ушедшие на защиту Ваших интересов, да не будут оставлены Вами!

Ваш долг и Ваша прямая обязанность накормить бойцов, сражающихся за Ваши и народные интересы, охраняющих тяжелым трудом добытое Вами добро.

Не пожалейте капли хлеба и провианта, дабы не отдать потом моря Вашего добра, ибо придет хам, а он уже близок, и от цветущих хуторов и станиц останется один пепел.

Стоя на страже сражающихся за Вас, приказываю каждому хутору, каждому поселению, впредь до особого распоря-

жения, наладить на первый случай своими средствами, на своих подводах подвоз и доставку провианта и фуража к частям, мобилизованным из этих поселений.

Помните – спорить не время. Каждая минута дорога. Дружно все, как один.

За Тихий Дон!

За Казачью Волю!

Начальник гарнизона ст. Усть-Хоперской

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.